

УДК 94(470.6)

С. С. ПЕРОВ,аспирант Кубанского
государственного университета**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ
ЮГА РОССИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД***(По материалам коллаборационистской прессы*)*

Статья посвящена рассмотрению эмоциональных режимов у городского населения юга европейской части РСФСР в межвоенный период на материале газет и журналов, издаваемых коллаборационистами в годы ВОВ. Рассмотрены основные эмоции, отраженные в источниках, а также их направления и причины их выражения. Особый упор сделан на взаимоотношения народных масс и власти.

Ключевые слова: история эмоций, Юг РСФСР, коллаборационисты, фрустрация, НЭП, быт горожан.

UDK 94(470.6)

S. S. PEROV,post-graduate student
of Kuban State University**EMOTIONAL MODES OF SOUTHERN RUSSIA PROVINCIAL CITIES IN THE INTERWAR PERIOD***(On materials of collaborationist press*)*

The article considers the emotional regimes in the urban population of the South European part of the USSR in the interwar period, the material of newspapers and magazines published by collaborators during World War II. The basic emotions are reflected in the sources, as well as the direction and the reasons for their expression. Particular emphasis is placed on the relationship of the people and the authorities.

Key words: history of emotions, south of the RSFSR, collaborators, frustration, NEP, life of citizens.

Вопрос изучения эмоций как составной части жизни человека возник еще на заре формирования истории как науки. Но специализированное направление – история эмоций – возникло лишь в XX веке, что было связано с общим поворотом интереса ученых от общих схем и теорий к конкретике, в том числе – к частной жизни индивидуума и сложных неоднородных составляющих функционирования социума, влияющих на сферу чувств. Психологические основы истории эмоций также глубоки и включают в себя большую часть достижений современной психологии.

Эмоции есть формы выражения, классификации, контроля и именованья чувств и сильных порывов. В разные периоды истории, у разных страт, социальных групп, классов, сословий эти формы бывают различными, порой противоположными. В период ломки общественных устоев важным фактором эмоциональной жизни общества становится страдание – личное, коллективное, индивидуальное, групповое и так далее. Известный

американский ученый Уильям Редди выделил господствующую и санкционированную авторитетами систему переживания, выражения и восприятия эмоций, назвав ее «эмоциональным режимом» [1]. В период ломки общественных устоев важным фактором эмоциональной жизни общества становится страдание – личное, коллективное, индивидуальное, групповое и так далее. Господствующие в обществе формы выражения и переживания эмоций начинают подвергаться острой эрозии. Другой видный автор, работающий в этой области, Барбара Розенвайн, отметила, что в обществе существуют замкнутые группы, объединенные едиными стандартами эмоций – так называемые эмоциональные сообщества [2].

Межвоенный период в южной части РСФСР имел ряд ярких особенностей. Города на этой территории были относительно небольшими, индустрия – слабой и неразвитой, национальный состав региона – весьма разнообразным. Социальные группы в этих регионах также были

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-01-00239а «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций».

чрезвычайно уникальными. Во-первых, значительную часть населения Азово-Черноморского края составляли казаки, утратившие свои привилегии, но сохранявшие самосознание особой этносоциальной группы. Значительное количество обитателей этого региона в 1920–1930-е годы было вынуждено покинуть свою родину, но сохраняло привязанность к ней. С другой стороны, в городах и сельской местности Юга РСФСР жило много представителей различных этносов, местных и приезжих. Их быт был полон неповторимых черт, представления о мире и эмоциональные картины окружающего также были весьма специфичными.

Все эти особенности повлияли на создание системы оккупационной прессы после занятия этой территории немецкими войсками в 1942 году. Активно организовалась прогерманская пропаганда и агитация, в том числе в форме издания значительного количества газет и журналов. Появившиеся печатные органы стали рупором для существенной части недовольного советской властью населения, выразителем долго скрывавшихся отрицательных эмоций. Кроме того, наличие иной идеологической системы позволяло выразить свою точку зрения на многие животрепещущие, запретные вопросы прошлого и настоящего: репрессии, коллективизацию, роль евреев в прошлом и настоящем. Многие табуированные темы, например, преследование «врагов народа», материальные трудности межвоенного периода и голод 1933 года, оказались ярко и полно освещены. Это, естественно, привлекало внимание множества интеллектуалов, желавших свободно выражать свои эмоции и описывать впечатления от прошлого.

Одной из главных газет на интересующей нас территории было «Возрождение», выходило с августа по декабрь 1942 года в Ростове-на-Дону. Кроме нее в Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском крае распространялись такие издания, как «Новое слово», «Кубань», «Новый час», «Донецкий вестник», «Казачий вестник», «Голос Ростова», немецкий журнал «Сигнал» на русском языке. Подобная пресса была создана и в других городах: в Донецке выходила русскоязычная газета со знаковым названием «Голос Донбасса», в Симферополе – аналогичный по стилю «Голос Крыма».

Роль появившихся СМИ в «новом порядке», который создавали нацисты, виделась им очень важной. Оккупационная пресса должна была быть источником моральных норм, ретранслятором «правильных» моделей поведения, а также мощнейшим инструментом пропаганды и агитации. Газеты и журналы выполняли функцию морального наставничества в читательской среде, которая оказалась малоподходящей для восприятия, косной и не доверяющей никакой информации. «Причина появления газеты – в массе читателей, для которой она создается <...> Газета нужна только для этого интереса, живет этим интересом,

этой нуждой», – рассуждала на эту тему одесская «Молва» [3]. Подобные мысли были характерны для многих литераторов, публицистов и журналистов, сотрудничавших с оккупантами в годы войны. Они понимали важность своих обязанностей и пытались выполнять их максимально ответственно.

Антирелигиозные гонения вызывали раздражение и яростное неприятие почти у всех авторов оккупационной прессы. Какая именно религия подвергалась преследованиям, не играло большой роли. Так, с точки зрения коммунистов, мечеть – «очаг, излучающий опиум для народа», – возмущенно писал некто Т. Рамазан в газете «Газават» [4]. По мнению авторов газеты, борьба с религией приводила лишь к ухудшению положения масс.

Один из главных героев повести Т. Левшиной «Таис» – священник – указывает на разрыв между городом и деревней, возникший при советской власти, как причину всеобщей деградации нации [5]. До революции, по мнению автора и героя, в городе и деревне важным фактором ограничения социальных девиаций и контроля над неверным поведением была религия. Однако с 1917 года ее позиции были ослаблены, а религиозные проявления вытеснены в подполье.

С точки зрения авторов публикаций, город в СССР обладал хоть какой-то культурой, а деревня оставалась дикой. Однако это варварство, отмечают публицисты, не врожденное, а созданное тактикой большевиков, порожденное уродливой государственной системой марксистского коммунизма. Безбожие и бессовестность, вытекающая из безбожия, – две важных проблемы, которые отмечают многие авторы оккупационной прессы в психологии народа. Проблемы эти во многом порождены советской властью, хотя иногда коренятся в прошлом историческом периоде, когда народ, по мнению авторов публикаций, недостаточно хорошо воспитывали. Однако в целом утрата религии виделась одной из основных причин морального упадка народа.

Интересно, что авторы оккупационной прессы видели источник необходимых моральных норм не только в вере в Бога. Важной задачей считалось создание некоего кодекса чести для каждого «подсоветского» (то есть жившего в СССР) человека, иначе говоря, системы правил, которая бы создала твердый базис для антисоветского сопротивления, а также набор простых и ясных стратегий выживания. Одной из важных моральных норм в подобных импровизированных «кодексах чести» был бескомпромиссный антисоветизм. «Даже если ты круглый сирота или подкидыш – не соглашайся признать Сталина отцом народов, – писал в “Газавате” один из постоянных авторов Коста Ардонский. – Не может быть хуже подобной метрики», [6], – непреклонно повторял он на всем протяжении

большой статьи, посвященной принципам антисоветской борьбы. Подобные мысли высказывали и многие другие антисоветские авторы.

Советская система раздражала многих живших в СССР людей своей постоянной ложью – искажением реальности, острым разрывом между написанным в СМИ и фактически происходящим. «В СССР в 1933–1935 годах рабочие и крестьяне голодали, а зерно и товары вывозились за рубеж, хотя пропаганда говорила о процветании. Советская власть есть вор, обманщик, убийца, рецидивист», – возмущенно отмечал Зелимхан на страницах «Газавата» [7]. «Варварство и дикость деяний большевиков превзошли диких зверей», – жаловался в похожем стиле некто Очевидец [8], критикуя ложь и лицемерие советской власти.

Плохие материальные условия в СССР были одной из причин недовольства властью, как следовало из оккупационных газет. В мирное время СССР жил хуже, чем Германия в войну, – такую мысль высказывали авторы почти всех затронутых изданий. Трудно сказать, было ли это мнение составной частью немецкого пропагандистского официоза или подлинным впечатлением журналистов и публицистов от знакомства с бытом Германии.

В журнале «На казачьем посту» автор статьи, посвященной атаману Краснову, сравнивая немецкие города с советскими, задает себе риторический вопрос: «Почему мы, русские, владеющие самой богатой страной на земле, не можем себе устроить уютную, удобную жизнь? Мы вечно занимаемся какими-то мировыми проблемами, забывая о самих себе, но не можем создать уют в собственном доме» [9].

Уровень жизни обычного немецкого рабочего значительно выше уровня жизни самого высококвалифицированного советского, отмечал автор другой статьи Л. Чурташинский [10]. Энтузиазм, соцсоревнование и ударничество, по его мнению, – лишь методы для выжимания последних соков из рабочих, катастрофически ухудшающие их жизнь.

Парадоксально, но нагрузка рабочих из-за их положения «класса-гегемона» в СССР в определенной степени возрастала. Авторы публикаций отмечают, что в Германии рабочий знает только о конкретной операции, которую он выполняет на конвейере. В советской стране должен знать почти все о плане, о типе продукции, которую завод, цех и он сам должен был выработать. Как отмечают современники, бесконечные собрания, совещания, слеты и учебы отвлекали от основной деятельности, непроизводительно расходовали время и силы. Сравнивая ситуацию с Германией, авторы отмечают, что директора и мастера капиталистических предприятий справляются со своими обязанностями лучше любого профкома в СССР. Подобные мысли были характерны для многих людей советского периода, например, в

романе М. С. Булгакова «Собачье сердце» их высказывает профессор Преображенский [11].

Для яркой характеристики положения рабочих некоторые авторы использовали острые полемические приемы, например, М. Мансур сравнил советских граждан с рабами в Римской империи. Советские граждане при Сталине имеют прав меньше, чем низшие классы в Римской Империи – уверен публицист. Мансур пишет, что в советском обществе труд имеет право на рабочих, а не наоборот, и это алогично и бесчеловечно: «Труд в СССР по характеру всеобщий и принудительный, в отличие от рабства в прошлом, которое не охватывало абсолютно все общество. Рабы в Риме хотя бы давали Риму бессмертие, производя шедевры культуры и техники. Советские же граждане только расширяли свою тюрьму, ухудшали и без того тяжелое свое положение» [12].

Страх, постоянная угроза жизни или благополучию порождали у советских людей эгоизм и склонность одиночеству, что было более выгодными для выживания. Одиноким человеком было более мобилен, менее поддавался шантажу, легче мог затеряться на просторах страны. С другой стороны, такой образ жизни порождал известные психологические трудности, особенно для людей традиционно коллективистской системы эмоционального восприятия.

Впрочем, проблема отрыва человека от коллектива и семьи, болезненного распада социальных связей и атомизации общества играла значительную роль в мироощущении людей двух межвоенных десятилетий во всем мире. Можно упомянуть возросшую популярность самоубийств и появление таких жанров искусства, как нуар. Одиноким человеком больше не мог опираться на религию, семью, общество. Он вынужден был существовать сам по себе и бороться с вызовами окружающего мира самостоятельно.

«Главным источником твоей энергии должна являться глубокая вера в собственные силы», – писал Коста Ардонский, указывая на необходимость проявления самостоятельности в большинстве жизненных вопросов [13]. Это, впрочем, не лишало человека необходимости создавать или искать идеалы и следовать им. «Крепить дух», как написано в той же статье Ардонского, должна была вера в конечность и обреченность советской системы. Надежда на неизбежное падение коммунистической власти часто была единственной мечтой многих групп населения в СССР. 22 июня 1941 года и последующие события начала войны антисоветские элементы встретили с большой радостью. Характерным для выражения эмоций этой группы можно назвать заглавие книги известного автора оккупационной прессы Н. С. Стенроса «Заря взошла на западе» [14]. Советская система была постоянным стрессом, мучительной и долгой травмой, и люди из числа

антисоветски настроенных, жаждали изменения ситуации.

Интересно отметить, что советские штампы и речевые обороты, а также особенности мышления жителей СССР сохранялись в речи и мышлении коллаборационистов. В статье «Очевидца» коммунистическая партия называется вполне по-советски – «врагом народа»: партия «узаконивала пытки лучших людей, разорение народного хозяйства, уничтожение семьи и религии. Поведение энкавэдэшников аналогично поведению волчицы, поедающей своего детеныша» [15]. Примечателен образ врага как «детеныша» власти, по-видимому, автор ощущал некую связь с властью и болезненно переживал это.

Разоблачить коммунистическую ложь зачастую можно было только ее собственным набором методов и приемов, считали публицисты. Однако в этом вопросе следовало соблюдать умеренность и адекватность, слепое копирование опыта из прошлого лишь воскрешало забытые пороки. «Доносы друг на друга, обман и лицемерие – пережиток советской морали», – жаловался Мансур, впрочем, призывая ко всеобщей и тотальной бдительности в отношении враждебных проявлений [16].

Еще одной важной составляющей оккупационной прессы был поиск многими авторами исторической преемственности и национальной идентичности. Прошлое должно было стать примером и уроком, образцом для недостаточно духовного настоящего. Набор положительных качеств из прошлого должен был быть немедленно усвоен всеми людьми сейчас. Одной из таких характеристик называла смелость: «Сыны Кавказа не боятся смерти». В числе других добродетелей, пришедших из прошлого, перечисляются верность долгу, взаимопомощь, гостеприимство, религиозность, доброта и умение прощать. О важности сохранения, восстановления и преумножения лучших традиций, оккупационные газеты писали постоянно.

Межвоенный период в Советском Союзе был весьма тяжелым временем для большинства населения. Капиталистическая система, элементы которой были допущены на короткое время в годы НЭП, уходила в прошлое. Хаос и анархия формирующейся советской системы лишали человека твердой опоры в жизни, превращали его в гонимую всеми историческими ветрами пылинку. Постоянный страх потери свободы, работы, имущества вынуждал множество людей относиться в своей жизни по-иному, иногда значительно проще, иногда, наоборот, сложнее. Кроме того, большую роль в формировании своеобразного эмоционального режима играли многочисленные бытовые трудности – проблемы с добыванием продовольствия и товаров первой необходимости, квартирный вопрос и т.п. Передача молодежи моральных норм и принципов поведения в такой ситуации казалась очень трудной, возникал острый разрыв между отцами и детьми.

Авторы оккупационной прессы часто пытались осмыслить господствующий эмоциональный режим в духе последних достижений тогдашней науки. «Борьба за кусок хлеба пробуждала в рабочих звериные инстинкты», сообщал Газават [17]. «Зверство», «природную дикость» как составную часть большевизма упоминает и Т. Левшина [18].

Если рабочий опоздает на работу хоть на пять минут, его будут судить, если хозяйка опоздает занять место в очереди, то не получит продуктов. Отсюда множество бытовых неудобств, например, ужасная давка в трамваях и ином общественном транспорте. «Жизнь, насильно продиктованная советской системой, сама давила все красивое в себе», – жаловался Карачай Улу Али [19].

«Толкнуть кого-то, нагрубить старшему, засвистеть в театре, неуважительно отнестись к женщине – все это было нормой для детей в СССР», – жаловался Т. Рамазан в статье «Сталинские воспитанники». В школе, по мнению этого же автора, тоже все было из рук вон плохо – дети вели себя вызывающе, персонал часто подбирался из людей необразованных, но партийных. Вполне современными выглядят жалобы на то, что плохим ученикам опасались ставить отрицательные оценки, так как это могло побудить ребенка бросить школу и ухудшить ее показатели [20].

По мнению авторов оккупационной прессы, советская система криминализовала массы. «Большевистский социализм многих честных тружеников поставил на грань нищеты, пробудил в них преступные инстинкты» [21]. Публицисты отмечают, что такая тяжелая плохая жизнь была навязана народам СССР чужой враждебной силой – рукой властителей и проповедников научного социализма.

Объектом критики и причиной недовольства был и советский милитаризм: «Пуговицы для штанов, носки или обувь заменялись танками» [22]. Советский девиз, по мнению авторов оккупационной прессы, выражался во фразе: «человек – ничто, машина – все». Рабочий в СССР, как и каждый человек, раб машины, обстоятельств и прочего – постоянно звучало на страницах оккупационных СМИ.

В целом, как показано выше, видно, что эмоциональный режим в СССР межвоенного периода порождал постоянную мучительную травму для многих категорий населения. Многие обстоятельства жизни – гонения на религию, укрепление тенденций к централизации общества, утрата многими людьми чувства контроля над своей жизнью, одиночество – порождали недовольство системой у широких масс. Страх создавал ненависть и желание прекратить травмирующую ситуацию любой ценой, а также желание выразить и описать его, ослабить влияние травмирующих воспоминаний путем их публикации и описания. Желание сохранить

пережитое для потомков, поведать о своих впечатлениях, желание, которое нельзя было удовлетворить в советском прошлом из-за огромного количества мешающих этому обстоятельств, толкало публицистов на сотрудничество с оккупантами. Исходя из этого неудивительно, что авторы оккупационной прессы пришли к решению печататься на страницах коллаборационистской прессы и поддерживать немецкую власть, обещавшую не только смену эмоционального режима и избавление от страданий, но и бесценную возможность публично описать и выразить события и впечатления из недавнего прошлого.

Литература

1. Reddy W. M. The navigation of feeling: A Framework for the History of Emotions. N.Y., 2001.
2. Rosenwein B. H. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006.
3. Боршару А. Н. К нашим читателям // Молва. 1942. 1 дек. № 1.
4. Рамазан Т. Диалектика // Газават. 1944. 2 февр. № 6 (49).
5. Левшина Т. Таис // На казачьем посту. 1944. 15 фев. № 20. С. 12–14.
6. Ардонский К. Нечто вроде заповедей // Газават. 1944. 16 февр. № 8 (51).
7. Зелимхан. Почему мы не воевали за большевиков? // Газават. 1944. 2 февр. № 6 (49).
8. Очевидец. Вскользь о пытках энкаведистов на Кавказе // Газават. 1944. 15 марта. № 11–12 (54–55).
9. Яганов А. У генерала П. Н. Краснова // На казачьем посту. 1944. 1 авг. № 31. С. 11–12.
10. Чурташинский Л. Мои впечатления о Германии // Газават. 1944. 7 апр. № 15 (58).
11. Булгаков М. Б. Собачье Сердце. Казань, 1988.
12. Мансур М. Наш патриотизм // Газават. 1944. 2 июня. № 23 (66).
13. Ардонский К. Нечто вроде заповедей ...
14. Стенрос А. Заря взошла на Западе // За Родину. 1942. 27 сент. № 16.
15. Очевидец. Вскользь о пытках энкаведистов на Кавказе ...
16. Мансур М. Закавказский намус // Газават. 1944. 2 февр. № 6 (49).
17. Улу Али К. Пассажиры из «рая» // Газават. 1944. 16 февр. № 8 (51).
18. Левшина Т. Таис ...
19. Улу Али К. Пассажиры из «рая» ...
20. Рамазан Т. Диалектика ...
21. Улу Али К. Пассажиры из «рая» ...
22. Мансур М. Тайна советских потерь в танках // Газават. 1944. 16 февр. № 8 (51).

References

1. Reddy W. M. The navigation of feeling: A Framework for the History of Emotions. N.Y., 2001.
2. Rosenwein B. H. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006.
3. Borsharu A. N. K nashim chitatel'am [To our readers] // Molva. 1942. 1 dek. № 1.
4. Ramazan T. Dialektika [Dialectics] // Gazavat. 1944. 2 fevr. № 6 (49).
5. Levshina T. Tais [Thais] // Na kazach'em postu. 1944. 15 fevr. № 20. S. 12–14.
6. Ardoniskij K. Necho vrede zapovedej [Something like commandments] // Gazavat. 1944. 16 fevr. № 8 (51).
7. Zelimhan. Pochemu my ne voevaly za bol'shevikov? [Why do not we fought the Bolsheviks?] // Gazavat. 1944. 2 fevr. № 6 (49).
8. Ochevidec. Vskol'z' o pytkah enkavedistov na Kavkaze [In passing about torture NKVD in the Caucasus] // Gazavat. 1944. 15 marta. № 11–12 (54–55).
9. Jaganov A. U generala P. N. Krasnova [At the General P. N. Krasnov] // Na kazach'em postu. 1944. 1 aug. № 31. S. 11–12.
10. Churtashinskiy L. Moy vpechatleniya o Germaniy [My impressions of the Germany] // Gazavat. 1944. 7 apr. № 15 (58).
11. Bulgakov M. B. Sobach'e serdce [Heart of a Dog]. Kazan', 1988.
12. Mansur M. Nash patriotizm [Our patriotism] // Gazavat. 1944. 2 iyunya. № 23 (66).
13. Ardoniskij K. Necho vrede zapovedej [Something like commandments] ...
14. Stenros A. Zarya vzoshla na Zapade [Dawn has risen in the west] // Za Rodinu. 1942. 27 sent. № 16.
15. Ochevidec. Vskol'z' o pytkah enkavedistov na Kavkaze ...
16. Mansur M. Zakavkazskij namus [For-Caucasian Namus] // Gazavat. 1944. 2 fevr. № 6 (49).
17. Ulu Ali K. Passazhiry iz «raja» [Passengers from the «paradise»] // Gazavat. 1944. 16 fevr. № 8 (51).
18. Levshina T. Tais ...
19. Ulu Ali K. Passazhiry iz «raja» ...
20. Ramazan T. Dialektika ...
21. Ulu Ali K. Passazhiry iz «raja» ...
22. Mansur M. Tajna sovetskih poter' v tankah [The Mystery of the Soviet losses in tanks] // Gazavat. 1944. 16 fevr. № 8 (51).